

[Текст] / М. Снайдер, Р. Снайдер. М.: Смысл; СПб.: Гармония, 1994. 237 с.

7. Галажинский, Э. В. Указ. соч. С. 323.

8. Там же. С. 65.

9. Риман, Ф. Основные формы страха [Текст] / Ф. Риман; пер. с нем. Э. А. Гушанского. М.: Алетея, 1998. С. 205.

10. Галажинский, Э. В. Указ. соч. С. 85.

11. Фельдштейн, Д. И. Психологические условия ускорения процесса личностного, в том числе и профессионального самоопределения подростка [Текст] / Д. И. Фельдштейн // Психологические условия формирования социальной ответственности школьников: сб. научных трудов / под ред. А. А. Радзиховский. М., 1987. С. 4–17.

12. Петровский, А. В. Возрастная и педагогическая психология [Текст]: учебник для студентов пед. ин-тов / А. В. Петровский. М.: Просвещение, 1979. С. 154.

13. Воробьев, В. М. «Келли-98» Ко-терапевтическая компьютерная система [Текст]: методическое руководство / В. М. Воробьев, Н. А. Коновалова. СПб.: ГП «Иматон», 2003. 176 с.

Н. А. Низовских

«ИДЕЯ» И ЛИЧНОСТЬ

В оригинальной концепции бытия и развития личности В. С. Мухиной системообразующим выступает понятие «Великое идеополе общественного сознания», которое рассматривается как строительный материал для развития духовного мира личности, как условие ее самосозидания и творчества. Разделяя взгляды В. С. Мухиной, автор статьи представляет размышления Р. Мэя, Г. Олпорта, И. Ялома, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, М. К. Мамардашвили, А. В. Петровского, позволяющие конкретизировать представления о роли «идеи» в жизни личности: идеи приближают человека к бытию, определяют его психологическое благополучие, формируют его как уникальную личность.

Психологическое знание о личности,работанное в многочисленных концепциях и теориях прошлого века, доказало свою полезность фактом своего распространения далеко за пределы психологии, востребованностью в самых разных сферах человеческой жизни. В XXI в. представления о личности с необходимостью должны подняться на новую высоту, поскольку проблемы личностного бытия и личностного развития человека в кардинально изменившемся мире требуют качественно новых решений.

Первой серьезной авторской работой XXI в., аккумулирующей достижения ведущих исследователей прошлого и задающей новые векторы в постижении личностного в человеке, стала кон-

цепция известного российского психолога В. С. Мухиной [1]. В данной концепции в качестве системообразующего вводится понятие «великое идеополе общественного сознания». Идеополе определяется автором как «великое пространство, объективно существующее и вмещающее в себя опыт познавательной деятельности всего человечества и открытое для взаимодействия с ним», «объективно существующая информационно-энергетическая сфера как следствие исторического развития общества» [2]. Великое идеополе содержит не только сгущенные идеи, выверенные временем эталонные образы и нравственные ориентиры, но и разнообразные синкретические элементы образов, идей, домыслов, предчувствий и пр. [3]. Как отмечает В. С. Мухина [4], идеологическое поле общественного сознания XX столетия, созданное психоанализом, экзистенциализмом, феноменологией и марксизмом, определяет не только направление развития наук, заинтересованных в постижении феномена человека, но и влияет на общее развитие массового сознания читающего и думающего населения в Европе, Америке, России и других странах.

В. С. Мухина утверждает, что люди различаются по своему отношению к идеополу общественного сознания. Одни стремятся не только овладеть идеологическим полем своего времени, но и участвуют в его развитии. Другие, едва соприкоснувшись с новыми идеями, теряют их, не удерживая в своем сознании. Есть и такие люди, которые реализуют себя лишь в поле обыденного общественного сознания «простого человека». Высоко оценивая потенциал человеческих возможностей, В. С. Мухина высказывает свою убежденность в том, что человек может проявлять себя как личность «только определив для себя позицию отношения к социальным ожиданиям, к религии и идеологиям своего времени, только определив свое место в ценностях Великого поля общественного сознания» [5], поскольку идеополе общественного сознания является «строительным материалом для развития духовного мира человека как личности» [6], выступает как условие ее самосозидания и творчества [7].

В настоящее время, пишет В. С. Мухина, идеологическое поле общественного сознания, так же как и поле обыденного общественного сознания, находится под давлением новых, но пока еще синкретических идей. И если человек ищет опоры только в современном поле общественного сознания, если у него нет никаких других опор в жизни, то он может попасть в позицию агрессивного маргинала, осуждающего всех и вся, забывшего, что он должен уповать еще и на самого себя [8].

Разделяя взгляды В. С. Мухиной, мы убеждены в том, что идеи играют значимую роль в

НИЗОВСКИХ Нина Аркадьевна – кандидат психологических наук, зав. кафедрой практической психологии ВятГГУ
© Низовских Н. А., 2008

жизни не только выдающихся, но и «простых» людей. В статье рассмотрим некоторые аспекты данной проблемы, представляющиеся значимыми с точки зрения роли идей в личностном способе организации индивидуальной жизни человека и его личностном саморазвитии.

Понятие «идея» имеет многовековую традицию в истории философской и психологической мысли и в настоящее время широко используется в социальных и гуманитарных науках, искусстве и других сферах человеческой жизни. В каждой из названных сфер данное понятие имеет свои трактовки и выполняет свою «миссию».

К понятию «идея» обращались многие философы, рассматривая ее то как имеющую божественное происхождение, то как результат деятельности самого человека. Платон (428–348 гг. до н. э.), к примеру, полагал, что природа души человека сродни природе идей, поскольку душа до соединения с телом находится в царстве идей. Д. Локк (1632–1704), напротив, считал, что душа человека является чистым листом, и все ее содержания, в том числе и идеи, возникают из опыта при жизни. Отечественная философия рассматривала идею как форму постижения в мысли явлений объективной реальности, специфическую форму отражения действительности. При таком подходе идеи выступают как активное, опосредствующее звено в процессе практической деятельности; в них зафиксирован индивидуальный или коллективный опыт, знание той или иной стороны действительности; они систематизируют знание и опыт человека в некую систему, играют роль принципов объяснения явлений, служат основой поиска новых путей решения проблемы.

С целью психологического анализа роли «идеи» в жизни личности обратимся к значению данного слова. В русском языке «идея» определяется как 1) понятие, представление, отражающее действительность в сознании человека, выражающее его отношение к ней и являющееся основным принципом мировоззрения; 2) основная, главная мысль, замысел, определяющий содержание чего-нибудь; 3) мысль, намерение, план; 4) мысленный образ чего-нибудь, понятие о чем-нибудь [9]. Данные толкования более всего указывают на мысленный характер «идеи» (понятие, представление, мысль, образ, принцип мировоззрения), ее связь с реальностью (отражение действительности в сознании), аффективную окрашенность (выражение отношения к действительности), значимость среди других мысленных образований (основная, главная мысль) и интенциональность (замысел, намерение, план).

Мысленный (образный) характер и, одновременно, «действенность» идеи подчеркивает А. В. Петровский, когда пишет о том, что «идея есть образ (мысль) в действии, продуктивное

представление, формирующее свой объект. В идее преодолевается оппозиция субъективного и объективного (вполне резонно полагать, что «идеи творят мир») [10]. Эти неразрывно связанные друг с другом характеристики идеи – «мыслеобразность» (как постижение внешней и внутренней реальности) и «действенность» (как интенциональность и продуктивность) – и определяют роль идеи в жизни человека как личности.

Идеи приобщают человека к бытию. Интересны размышления одного из создателей экзистенциального направления в психологии Р. Мэя, вызванные тем, что его молодые современники проявляли недоверие к «просто словам» и отдавали приоритет опыту, противопоставляя его «идеям» [11]. С пониманием относясь к страстной жажде опыта молодых, которая «есть стремление более полно включить себя в картину происходящего», Р. Мэй считает, что каждый человек может и должен рефлексировать свой опыт, поскольку это «не только придает силу мышлению, но также приобщает к бытию» [12]. Молодое поколение право в своих напаках на «только» мышление и «только» слова, считает Р. Мэй, но оно совершает ту же ошибку, когда под видом переживания жизни хватается за «только» чувства, «только» действия или какую-либо другую частную функцию человека.

Идеи определяют психологическое благополучие личности. И. Ялом раскрывает значение руководящих идей для человека следующим образом: «Как природа не терпит пустоты, так мы, человеческие существа, не терпим неопределенности. <...> Способность объяснить и упорядочить события своей жизни в соответствии с неким связным и предсказуемым паттерном отнюдь не маловажная. Назвать нечто определенным именем, определить его место в цепочке причинно-следственных связей – значит начать чувствовать его контролируемым» [13]. Ялом уверен в том, что понимание рождает ощущение силы. Как это ни парадоксально, пишет Ялом, но «любой из нас начинает меньше чувствовать свою ничтожность, свою беспомощность, свое одиночество, когда приходит к пониманию факта нашей фундаментальной беспомощности и одиночества перед лицом космического безразличия». Этот парадокс, подтверждающий значение «руководящих идей» для человека, заслуживает внимания. Ялом приводит старую поговорку: «Тому, кто идет со своим светом, можно не бояться тьмы» [14]. Действительно, идея подобна светильнику. Но не все идеи одинаково хороши для человека. В своей психотерапевтической работе Ялом особое значение придавал осознанию клиентом патогенной идеи и замещению ее идеей конструктивной. Работая с сопротивлениями клиента, психотерапевт, по мысли Ялома, должен «упорство-

вать» и, при необходимости, «говорить снова и снова одни и те же вещи, пусть с различными акцентами» [15]. Иллюстрируя это положение, Ялом приводит случай из своей практики. В ходе терапии одна депрессивная, мазохистичная и суицидальная пациентка часто описывала свою жажду смерти, а в другие моменты – различные вещи, которыми хотела бы заниматься в жизни. Ялом не раз давал «до неприличия простой» комментарий, который стал для пациентки спасательным. Он говорил своей пациентке многократно: «Для этих событий есть лишь одна возможная последовательность – сначала опыт жизни, потом смерть» [16]. Через несколько месяцев после завершения терапии во время отчетной сессии данная пациентка назвала этот комментарий самым важным за весь период. Мы видим на этом примере, как идея в буквальном смысле спасает человека. Приведем еще один пример из терапевтической практики Ялома, связанный с работой над неконструктивной идеей. Пациентка, шансы которой найти желаемого партнера были значительно снижены серьезным физическим недостатком, терзала себя, выбрав убежденность в том, что жизнь без любовно-сексуальных отношений с мужчиной не имеет никакой ценности. Данная пациентка, как пишет Ялом, закрывала для себя многие другие возможности, включая глубокое наслаждение несексуальной дружбой с мужчинами. Основная терапевтическая работа с этой пациенткой заключалась в том, чтобы расшатать ее базовую идею, согласно которой человек либо имеет пару, либо он ничто (установка, всегда имевшая сильное социальное подкрепление, особенно для женщин). В конечном итоге пациентка пришла к пониманию того, что, хотя она не отвечает за свой недостаток, тем не менее несет полную ответственность за свою позицию по отношению к нему и за свое решение придерживаться убеждений, ведущих к тяжелому самообесцениванию [17]. Обнаружение и расшатывание патогенных идей личности, равно как и трансляция конструктивных идей, не являются легким делом. Зачастую установки индивида глубоко «скрываются» за его словами и консультант может судить о них только посредством проницательного наблюдения и/или применяя специальные психотехнические приемы.

Идеи раскрывают и формируют человеческое сознание в его глубочайшей сущности. Понятию «идея» много внимания уделил М. М. Бахтин, исследуя творчество Ф. М. Достоевского. Соглашаясь с тем, что идея как предмет изображения занимает громадное место в творчестве Достоевского, Бахтин подчеркивал, что не идея все же героиня романов Достоевского, героем Достоевского был человек, и изображал он не идею в человеке, а, говоря собственными словами Дос-

тоевского, «человека в человеке». Идея была для Достоевского «или пробным камнем для испытания человека в человеке, или формой его обнаружения, или, наконец, – и это главное – тем “медиумом”, тою средою, в которой раскрывается человеческое сознание в своей глубочайшей сущности» [18]. Как характерную особенность творчества Достоевского М. М. Бахтин отмечает «художественное слияние личной жизни с мировоззрением, интимнейшего переживания с идеей» [19]. У Достоевского «человек преодолевает свою “вещность” и становится “человеком в человеке”, только войдя в чистую и незавершенную сферу идеи, то есть, только став бескорыстным человеком идеи» [20]. Идея, по М. М. Бахтину, – это «не субъективное индивидуально-психологическое образование с “постоянным местопребыванием” в голове человека», идея «интериндивидуальна и интерсубъективна, сфера ее бытия не индивидуальное сознание, а диалогическое общение между сознаниями» [21]. Бахтин называет Достоевского великим художником идеи, поскольку именно этому писателю принадлежит «художественное открытие диалогической природы идеи, сознания и всякой освещенной сознанием (и, следовательно, хотя бы краешком причастной идее) человеческой жизни» [22]. С точки зрения обсуждаемых в данной статье проблем, заслуживают внимания замечания М. М. Бахтина, характеризующие одного из героев Достоевского – Степана Верховенского, который «сыплет отдельными “истинами” именно потому, что у него нет “владеющей идеей”, определяющей ядро его личности, нет своей правды, а есть только безличные истины, которые тем самым перестают быть до конца истинными» [23].

Об «идее своей личности» говорил и М. К. Мамардашвили [24], подчеркивая, что все, что мы знаем, мы знаем посредством узнавания на себе, и даже из книги мы можем получить знание, лишь узнав и сопоставив его со своим собственным опытом или с идеей своей личности. У каждого человека есть какая-то своя идея.

Г. Олпорт [25] начинает описание своей биографии изречением Бергсона о том, что «философия каждой жизни опирается на некую “личную идею”, даже если попытка выразить эту идею никогда полностью не удастся». Личная идея самого Г. Олпорта, по его словам, состояла в том, чтобы раскрыть, являются ли подобные общие гипотезы, касающиеся природы человека, эмпирически жизнеспособными. Считая, что Бергсон преувеличивает потенциальное единство человеческой личности, Г. Олпорт полагал, что «эти взгляды требуют проверки. Философия человека и психология человека должны быть соотнесены друг с другом» [26]. Когда я писала эту статью, дочь спросила о моей «личной идее». Я ответи-

ла, что это – любовь (в смысле заповеди Христа «любите друг друга»). Позже в голову пришла мысль, что есть еще одна личная идея, которая определяет мою жизнь и мои научные интересы – это идея личностного саморазвития человека.

Собственно психологическая трактовка понятия «идея», раскрывающая ее роль и механизмы функционирования в структуре личности, содержится в работе Л. С. Выготского «Мышление и речь» [27]. Проблема мышления и речи рассматривалась Л. С. Выготским как узловая проблема всей психологии человека. Рассматривая вопрос об отношении мышления и речи к остальным сторонам сознания, Л. С. Выготский указывал на то, что это прежде всего вопрос о связи между интеллектом и аффектом, и путь для решения этой проблемы – применение анализа, расчлняющего сложное целое на единицы, в выделении для целей анализа динамических смысловых систем, представляющих единство аффективных и интеллектуальных процессов. Такой анализ, как писал Л. С. Выготский, показывает, что «во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее» [28]. Идея, таким образом, выступает как динамическая смысловая система, одновременно представляющая действительность и отношение человека к этой действительности. Анализ идеи в названном выше качестве позволяет, по мысли Л. С. Выготского, «раскрыть прямое движение от потребности побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» [29]. Идеи, применяемые как руководящие жизненные принципы (или правила жизни), определяют не только динамику повседневного поведения и конкретных деятельностей человека, но и динамику его жизни в целом.

Поиск главных руководящих идей – задача молодости. Отсутствие личной идеи может повергнуть человека в состояние растерянности и пустоты, вызвать переживание «экзистенциального вакуума» (В. Франкл), когда возвращение «в себя и к себе» оборачивается ощущением «бессмысленной пустоты» [30]. Со всей очевидностью и остротой здесь возникает проблема трансляции сильных идей в образовательном процессе. Циркуляция идей, обмен идеями, «идеологическая работа» – неотъемлемые составляющие обучения и воспитания в современном вузе. Проблема еще и в том, что освоенная субъектом идея не остается неизменной, она живет в сознании или бессознательном человека своей жизнью,

претерпевает изменения, подвергаясь воздействиям со стороны других идей. Важно, чтобы та или иная «присвоенная» человеком идея не смогла поглотить его целиком, важно, чтобы человек мог занять внутреннюю позицию в отношении любой из циркулирующих в обществе и транслируемых в процессе образования идей. И именно сам взрослеющий человек – будущий специалист – должен принять на себя ответственность за освоение и разработку «великого идеополя общественного сознания».

Примечания

1. Мухина, В. С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты) [Текст] / В. С. Мухина. Екатеринбург: ИнтелФлай, 2007.
2. Там же. С. 36.
3. Там же. С. 40.
4. Там же. С. 236–237.
5. Там же. С. 237.
6. Там же. С. 34.
7. Там же. С. 41.
8. Там же. С. 251.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 205.
10. Петровский, А. В. Теоретическая психология [Текст]: учеб. пособие для студентов психол. фак. высш. учеб. заведений / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М.: Изд. центр «Академия», 2003. С. 14–15.
11. Мэй, Р. Сила и невинность [Текст] / Р. Мэй. М.: Смысл, 2001. С. 89.
12. Там же. С. 90.
13. Ялом, И. Экзистенциальная психотерапия [Текст] / И. Ялом. М.: НФ «Класс», 2000. С. 214.
14. Там же. С. 228.
15. Там же. С. 231.
16. Там же.
17. Там же. С. 308.
18. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского [Текст] / М. М. Бахтин. М.: Сов. Россия, 1979. С. 37–38.
19. Там же. С. 89.
20. Там же. С. 98.
21. Там же. С. 100.
22. Там же. С. 101.
23. Там же. С. 111.
24. Мамардашвили, М. К. Эстетика мышления [Текст] / М. К. Мамардашвили. М.: Моск. школа пол. лит. исследований, 2000. С. 317.
25. Олпорт, Г. Становление личности: Избранные труды [Текст] / Г. Олпорт. М.: Смысл, 2002. С. 15.
26. Там же.
27. Выготский, Л. С. Мышление и речь [Текст] / Л. С. Выготский // Выготский Л. С. Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1982. С. 6–361.
28. Там же. С. 22.
29. Там же.
30. Ронжин, Е. Проблема времени и «Я» [Текст] / Е. Ронжин // Газета факультета психологии ВятГУ «Катарсис». 2008. № 8. С. 4.